

Гражданский подвиг
академика К. И. САТПАЕВА

12 апреля 2009 г. исполняется 110 лет со дня рождения великого сына казахского народа, ученого-геолога, первого академика Советского Востока, основателя и первого президента Национальной Академии наук Казахстана, большого мыслителя, естествоиспытателя и крупного государственного и общественного деятеля, лауреата Ленинской и государственной премии Каныша Имантаевича Сатпаева.

История культуры народов Мира знает немало примеров, когда в тот или иной период ее развития появляется гений, который объемлет в своем творчестве самые разные отрасли человеческих знаний и науки. В Древней Греции таким универсальным умом был Аристотель (384-322 до н.э.), который в народе назывался первым учителем человечества, в Италии – Леонардо да Винчи (1452-1519), в тюркском мире или в Евразии – великий Аль-Фараби (870-950) – второй учитель человечества, в Польше – Коперник (1473-1543), в Германии – Лейбниц (1646-1716), в России – Ломоносов (1711-1765). Таким же универсальным ученым был и наш К. И. Сатпаев (1899-1964) – Центрально-Азиатский мыслитель и естествоиспытатель и выдающийся организатор науки Казахстана.

К. И. Сатпаеву – ученому, талантливому организатору Казахской науки присуща была ярко выраженная индивидуальность. Особенности его геолога-практика и научного мастерства, удивительные по

результативности, организаторский талант привели к созданию знаменитой Жезказганской школы геологов-производственников, оказавшей заметное влияние на развитие казахстанской геологии, горного дела, химико-металлургического направления, кроме того, особенно важно создание им республиканской металлогенической школы.

При активном содействии академика Сатпаева в Казахстане появилось много новых научных направлений – горно-металлургических, физико-технических, химико-технологических, биологических и гуманитарных исследований. Были организованы многопрофильные научно-исследовательские институты в Алматы, Караганде, Усть-Каменогорске, Атырау и других городах Казахстана.

Особенно ценная и разносторонняя деятельность К. И. Сатпаева как организатора горно-геологической службы Казахстана, его роль в изучении богатейших минерально-сырьевых ресурсов Казахстана, а также в разработке важнейших вопросов металлогенической науки, одним из создателей которой он является.

Значительное место уделяется деятельности К. И. Сатпаева в исследовании и освоении уникального Жезказганского медного месторождения, а также строительство крупного Жезказганского медеплавильного комбината, Института геологических наук и Республиканской Академии наук Казахстана.

Биография ученого богата примерами, достойными для подражания. Такие черты характера, как гражданская нравственность и научная честность, непреклонность и настойчивость в достижении намеченных целей, оригинальность в научных исследованиях, доброе отношение к окружающим – могут служить прекрасным примером для молодежи, вступающей в большую жизнь.

В этом году исполняется сорок пять лет после его кончины, можно лишь поражаться тому, как мог безвестный выходец из народа в столь трудных условиях XX века достичь таких высот в науке и оставить после себя такое богатое духовное наследие. Он написал более 600 трудов и каждого такого труда было бы достаточно, чтобы имя Сатпаева стало бессмертным.

В молодости он много внимания уделял математике, астрономии и физике. Им даже написан учебник по алгебре для средних школ. Рукопись алгебры Сатпаева представляет первый учебник на казахском языке. Учебник весьма интересен для нас, прежде всего,

созданием и применением алгебраической терминологии на казахском языке, здесь он вносит новое в методику преподавания алгебры в казахской школе...

В равной мере он также глубоко интересовался и древней историей тюркского вообще, казахского народа в особенности, которые обитали в Великой степи Евразии еще в палеолите, неолите и, особенно, в бронзовом веке, тогда, когда они начали разрабатывать золотые, серебряные, медные и оловянные месторождения, оставляя после себя историко-археологические памятники: древних карьеров, шахт, разрезов, плавильных печей, шлаков и разных изделий из бронзы, меди, свинца, олова, золота, железа и ювелирных украшений, так называемой скифской культуры или скифского стиля (XII-VI в.в. до н.э.) и средневековья (V-X вв. н.э.). Такие ценные археологические артефакты* были найдены К. И. Сатпаевым во многих пунктах Центрального, Южного и Восточного Казахстана.

В истории тюркского народа вообще, казахского в особенности, академик К. И. Сатпаев был не только великим провидцем тайн земных недр, выдающимся ученым-геологом и талантливым организатором науки, а прежде всего, крупнейшим для своего времени мыслителем и естествоиспытателем, крупный государственный и общественный деятель, тонкий дипломат, внесший свой неопределимый вклад в индустриализацию и экономическое развитие Казахстана, он был признанным лидером общества.

Но главным призванием ученого, делом всей его жизни стала наука о Земле – геология и горное дело. Развивая геологию в глубь, он создал ее важнейший раздел – металлогения или, в широком понимании, минерагения, на западе она получила название «экономическая геология».

Все, кто хорошо знал Каныша Имантаевича Сатпаева, всегда отмечали широту его научных взглядов, он глубоко разбирался не только в своей любимой геологии, но и в других науках – естествознании: астрономии, математике, физике, экономике, истории, юриспруденции,** археологии, литературе, лингвистике, музыке. Вообще, нельзя назвать ни одного значительного начинания в Казахстане в 30-60-х годах XX столетия в области науки, промышленности и высшего образования, в котором он не принимал бы активного участия.

К. И. Сатпаев пришел в науку, имея за плечами большой опыт разведки и изучения месторождений Жезказган-Ультауского рудного района. Это предопределило круг его научных интересов в Академии наук республики как геолога-теоретика и металлогениста.

С первых же шагов своей практической деятельности инженера-геолога, еще в конце 20-х годов, К. И. Сатпаев сумел увидеть большие перспективы Жезказганского медного месторождения, полностью подтвердившиеся в дальнейшем благодаря его титаническим усилиям в проведении здесь геологоразведочных работ. Периодом, наиболее ярким в своей жизни, «борьбы за Жезказган» считал эти годы сам ученый. Вот как описывает свою встречу с К. И. Сатпаевым в 1929 году в жезказганских степях в поселке Карсакапай, где базировалась тогда геологоразведочная партия, известный казахский писатель Сабит Муканов в книге «Школа жизни»: «Я пробыл у Каныша Имантаевича довольно долго. Он рассказывал мне о Жезказгане. О его прошлом, о том, что происходит теперь, о том, что ожидает этот край. Вот что я узнал от него...

Жезказганская медная руда местами выходит прямо на поверхность. Содержание чистой меди в такой руде достигает 10-15 процентов. Бывало, бьешь молотком, и руда вместо того, чтобы рассыпаться, только сжимается. Он показал себя тогда вдумчивым историком. В эпоху ранней бронзы здесь обитал человек. К. И. Сатпаев приводил интересные доказательства... Так вот, жезказганскую руду, особенно ту, что выходит на поверхность, вполне могли добывать горняки бронзового века и в средневековье (V-X вв.). Совершив экскурсию в древние времена нашей степи, К. И. Сатпаев сразу переступил девятнадцатый век и в наши дни.

Каныш рассказывал мне о геологических поисках здесь англичан. О том, что они копались здесь на поверхности, не проникая в глубину. Геологическая разведка под руководством К. И. Сатпаева за небольшой срок (1928-1931 годы) принесла плоды куда более урожайные, чем многолетние поиски англичан. Теперь уж никто не сомневался, что необходимо как можно скорее пустить Карсакапайский завод... «Я уверен, говорил он, – запасы жезказганской медной руды самые большие во всей стране. Похоже на то, что наш меднорудный бассейн потягается с крупнейшими мировыми бассейнами». Да, Сатпаев умел смотреть в будущее. Его предположения блестяще подтвердились».

Еще в те далекие годы (1928-1932 гг.) Сатпаев, проявив необычайную настойчивость и прозорливость, во главе группы геологов-разведчиков увеличил разведанные запасы меди Жезказгана более чем в 600 раз по сравнению с данными англичан (52 тыс. т.), т. е. вывел это месторождение в разряд самых крупных в мире. Вспомним его пророческие слова: «Жезказган представляет в потенции одну из богатейших

* Артефакты – искусственные изделия из металлов, дерева и горных пород (археологический термин).

** Юриспруденция – законотворчество. Он 2 года работал народным судьей Баянаульского округа (1922-1923 гг.).

мировых провинций меди, в пользу которой в будущем уступят пальму первенства большинство известных медных провинций Америки», написанные в тридцатые годы. Он имел в виду руды медного пояса Южной Америки (месторождение Чукикамата и др. в Чили и Перу) и Северной Родезии (месторождение Китва-Нкана, Нчанга, Рон-Антелоп и др. в Замбии). В настоящее время по активным и прогнозным запасам меди Жезказганский меднорудный район вышел на второе место в мире после южноамериканского медного пояса, оставив позади районы Северной Родезии (Замбия, Африка), Орала (Россия), Алмалыка (Средняя Азия).

К. И. Сатпаев настаивал тогда на форсировании здесь геологоразведочных работ и обосновал строительство на базе руд нового крупного медного комбината. Комбинат этот, как известно, действует уже много лет и носит имя Каныша Имантаевича Сатпаева.

В борьбе за Жезказган, разумеется, были не только технические, кадровые и другие практические трудности, но и ожесточенные схватки с недоброжелателями, со всякого рода «геологическими бюрократами» и скептиками. Особенно геолкомовские и главцветметовские геологи во главе с И. С. Яговкиным, утверждавшие о том, что в Жезказгане нет крупных запасов меди для строительства большого металлургического комбината, что для реальных запасов вполне достаточно Карсакпайского медеплавильного завода... Но Сатпаев доказал, что запасы меди в Жезказганском месторождении гораздо больше, чем в Коньратском и Алмалыкском (Узбекистан) вместе взятых, и других месторождениях Союза, а в перспективе не только достигнет по масштабам уровня медного пояса Северной Родезии, но непременно превзойдет его. Геолкомовцы считали молодого инженера Сатпаева фантазером и прожектером. И только при активной поддержке со стороны выдающихся ученых-академиков В. А. Обручева, И. М. Губкина, А. Д. Архангельского и «железного наркома» Г. К. Орджоникидзе было принято решение о строительстве комбината на базе Жезказгана и железной дороги Жарык-Жезказган протяженностью около 400 км.

В 1937-1939 годы Сатпаевскую идею о строительстве Большого Жезказганского комбината повторно поддержал нарком тяжелой промышленности Л. М. Каганович.* Он же был одновременно председателем «тройки» при Политбюро ЦК ВКП(б), который помог спасти Сатпаева от репрессии в 1936-1938 гг.**

Для жизни одного человека, чтобы отнести его в разряд великих людей, было бы достаточно лишь гео-

лого-металлогенических исследований Жезказган-Улытауского рудного района и создания на базе его рудных богатств уникального Жезказганского медного гиганта, крупнейшего в Евразии. Но для Сатпаева это была только стартовая точка. Геолог-практик, известный своими блестящими изысканиями, накопил столько фактов, столько размышлял над ними, что переход его на работу в КазФАН СССР и геологический институт явился естественным продолжением его геологических поисков, но уже в плане глубокого научного обобщения. Этим и объясняется творческая плодотворность исследований, проводимых коллективом руководимого им Института геологических наук и академии.

Необходимо отметить, что К. И. Сатпаев был первооткрывателем не только медной руды Жезказгана, но и указал наличие в жезказган-улытауских недрах многих элементов таблицы Менделеева (Fe, Mg, Au, Al, Ag, Pb, Zn, Re, Os, селена, нерудного сырья и др.), что было блестяще подтверждено впоследствии его соратниками и учениками. Да, немало открытий сделал академик, но, пожалуй, *самым крупным по стратегическому значению после медной руды в Жезказган-Улытауском районе было открытие Жездинского и Найзатасского месторождений марганца, которые в годы Великой Отечественной войны сыграли важнейшую роль в разгроме фашистской Германии*, может быть даже больше, чем медь. Эта группа месторождений марганца была выявлена Сатпаевым еще в тридцатые годы, когда проводились поисково-съёмочные работы. Для производства высоколегированных сталей требуется до 15 процентов марганца, а для обычных – до 8-10 кг на 1 тонну стали.

В августе 1941 года Никопольский марганцевый бассейн в Днепропетровской области (Украина) был оккупирован фашистами. Вся металлургическая промышленность СССР обеспечивалась сырьем Никопольского бассейна. Возникло катастрофическое положение на металлургических и оборонных заводах страны из-за отсутствия марганца. В это напряженное время руководители государства во главе с председателем ГКО И. В. Сталиным обратились к геологам страны с призывом срочно выявить промышленные залежи качественного марганца. Первым откликнулся К. И. Сатпаев, заверив ГКО, что в Жезказган-Улытауском районе Казахстана есть марганец, по качеству и запасам вполне отвечающий требованиям металлургов и оборонных заводов. Получив сверхсрочное и ответственное задание Правительства и ГКО, геологи Жезказгана во главе с Сатпаевым сразу

* С. К. Орджоникидзе трагически погиб в 1936 году, после него назначен был Наркомом тяжелой промышленности Л. М. Каганович.

** Его много раз вызывали в КГБ, прокуратуру, так как доносчики писали, что он родной брат репрессированного Сатпаева А., затем расстрелянного как врага народа.

же приступили к промышленной разведке Жездинского месторождения, минуя стадии поисково-разведочных работ. Самое удивительное то, что геологи-разведчики, работая день и ночь, успешно закончили разведку месторождения за несколько недель (37 дней) и сразу же выдали необходимую руду металлургам страны. Такого короткого срока промышленной разведки месторождений не знала история геологоразведочных работ...

Добыча ценной марганцевой руды шла полным ходом; первое время ее вывозили из карьеров сотни грузовых автомобилей. Одновременно строили железную дорогу длиной 48 км от Жезказгана до месторождения Жезды. За 1942-1945 годы из Жездинского месторождения страна получила свыше 1500 тыс. тонн руды. Какое огромное значение придавала этому процессу страна, можно видеть из того, что ежедневно ровно в 21 час. Из Москвы звонил И. В. Сталин и интересовался ходом отгрузки марганцевой руды...

Научным итогом жезказганского периода жизни ученого является его монография «Рудные месторождения Жезказган-Улытауского района», которая в 1944 г. была удостоена Государственной премии. Жезказгану и его проблемам К. И. Сатпаев оставался верен всю свою жизнь. Он постоянно заботился о судьбе не только геологической службы региона в целом, а держал в поле зрения даже отдельные вопросы. Академик часто приезжал сюда, знакомился с новыми геологическими объектами, организовывал научные сессии, консультировал геологов, исполнял свои депутатские полномочия (был депутатом Верховного Совета по этому региону).

Как известно, в годы Великой Отечественной войны в Казахстан были эвакуированы многие заводы, институты, оборонные предприятия, видные ученые, деятели искусств и т.д. Обстановка военных лет способствовала росту промышленности и науки республики и вместе с тем требовала научного обслуживания многих ее областей. Появились значительные стимулы и условия для роста научных учреждений бывшего Казахского филиала АН СССР с перерастанием его в самостоятельную республиканскую Академию наук. Это произошло в июне 1946 года, и первым ее президентом стал К. И. Сатпаев, избранный в том же году действительным членом АН СССР. Академик Д. В. Наливкин писал по этому поводу в 1965 году: «Каныш Имантаевич был настоящим главой науки. Какую бы работу он ни начинал, каков бы ни был ее объем, он неизменно становился ее бесспорным руководителем, и сама ценность работы возрастала... Необычайное, совершенно необыкновенное развитие геологии в Казахстане вызвало создание теоретической базы. Само собой разумеется, что решение ответственной задачи возглавил Каныш Имантаевич. Под его руководством Институт геологических наук

возник, вырос и стал одним из крупнейших научных центров Советского Союза».

Ученые нашей академии, от естествоиспытателей и «технарей» до гуманитариев, признавали его своим безусловным лидером. Доверительное отношение представителей различных наук, конечно, помогало ему как организатору науки, но ведь не это самое главное. Важнее идеи, которыми он руководствовался. Он умел поставить высокую цель, пронизательно увидеть проблему, систематизировать явления и выделить в них существенное, главное.

Это был широкообразованный ученый с энциклопедическим складом ума, а такие люди всегда являются украшением любого цивилизованного общества.

Выходец из гущи казахского народа, он впитал в себя все добрые его качества – щедрость души, глубокую нравственность, гостеприимство и многие другие положительные черты. Кроме того, надо сказать, что К. И. Сатпаев пользовался глубоким уважением и безграничным авторитетом везде – и в коллективах геологоразведочного производства и горно-металлургических предприятий, и в научных институтах Академии наук РК и АН бывшего СССР, и в правительстве республики и Союза.

Приведу такой памятный пример. При К. И. Сатпаеве во многих научных учреждениях академии широко практиковались хоздоговорные работы, в частности, в нашем геологическом институте суммы хоздоговорных работ тогда занимали от 40 до 50-60% бюджета. Вот тогда-то в 1961-1964 гг. К. И. Сатпаева неоднократно упрекало республиканское правительство якобы за двойное финансирование – за счет госбюджета и хоздоговорных работ. В 1961-1963 гг. принимались многократные постановления Совета Министров РК об отмене хоздоговорных работ в академии, и каждый раз К. И. Сатпаев через председателя Совета Министров Союза А.Н. Косыгина добивался их сохранения. Непререкаемым авторитетом он пользовался даже в Правительстве Союза...

3 февраля 1964 г. мы проводили К. И. Сатпаева в последний путь, и в тот же день было издано постановление Совета Министров республики об отмене хоздоговорных работ в академии, а 5 февраля 1964 года первый вице-президент АН КазССР А. П. Полосухин собрал у себя «договорников» и познакомил с вышеупомянутым Постановлением Совета Министров, сказал, что мы должны завершить до первого июля или на худой конец до конца 1964 года все договорные работы, оповестить об этом всех заказчиков и написать отчеты. Он сказал далее, что без Каныша Имантаевича мы не в состоянии что-либо изменить.

Яркая особенность Каныша Имантаевича заключалась в том, что он всегда искренне радовался, если кто-то открывал интересное явление, мимо которого проходил он сам. Он считал это закономерным и

постоянно подчеркивал, что каждому ученому свойственна оригинальность, у каждого мыслительный процесс идет своим собственным путем. Это, может быть, звучит банально, но как часто некоторые из нас забывают подобные истины.

Чтобы не быть голословным, приведу такой пример из своей жизни. В конце 1958 года мы с моим учителем профессором В. К. Моничем выдвинули новую идею – исследовать петрологию и минерагению щелочных пород Казахстана вообще, нефелин-лейцитовых руд, как комплексного сырья алюминия химической и строительной индустрии, в частности. Каныш Имантаевич сразу же глубоко вник в суть проблемы и понял, что она актуальна. Он рекомендовал две наши постановочные научные статьи в журналы «Вестник АН КазССР» и «Известия АН КазССР» (серия геологическая). После его визы обе статьи были опубликованы вне очереди в ближайших номерах журналов, благодаря чему, получили широкую огласку в научном мире республики.

Помимо того, он рекомендовал нам провести совместную работу с обогатителями и металлургами нашей академии, что мы и сделали. После этого он внимательно следил за нашими работами и часто помогал и направлял их в правильное русло. В 1960-1962 годах, когда мы совместно с металлургами опубликовали несколько научных статей, он пригласил нас к себе в президентский кабинет (от Института геологии – В. К. Монич, А. Н. Нурлыбаев, от Института металлургии и обогащения – академик АН КазССР В. Д. Пономарев), подробно расспросил, как идут дела по части исследования вещественного состава и технологии передела нефелин-лейцитовых руд. После обмена мнениями он высказал удовлетворение результатами наших совместных работ и в заключение пожелал нам успеха.

В 1961-1963 годах он обсуждал с моими наставниками – академиком В. Д. Пономаревым и профессором В. К. Моничем перспективу выдвижения этих наших работ на Ленинскую премию... К великому сожалению, преждевременная его смерть сорвала наши планы по более глубокому изучению полезных ископаемых – нефелин-лейцитовых руд Казахстана.

К. И. Сатпаев прекрасно понимал, что новые идеи и своевременная инициатива – неперенные условия научного прогресса. Его острый ум моментально схватывал новые идеи, предложенные его соратниками и учениками, и не только геологами, но и представителями других отраслей естествознания, техники, гуманитарных наук. В этом отношении у него было абсолютное чутье на истинную находку, как у композиторов и дирижеров бывает абсолютный слух.

Надо сказать, что Каныш Имантаевич всегда находил возможность следить за тем, насколько успешно идет подготовка научной смены – кандидатов и

докторов наук. Особое внимание он уделял аспирантам и соискателям. При обсуждении он всегда был чрезвычайно внимательным, доброжелательным слушателем, строгим судьей, добрым советчиком и всегда поощрял в науке поиски нового. Он любил людей скромных, упорных в труде, не любил хвастунов, эгоистов, людей с большими претензиями при малых знаниях.

Часто людей поражает нехороший недуг – равнодушие и пренебрежение к людям. Признаки этой болезни заключаются в том, что человек видит только свои лучшие стороны, причем склонен преувеличивать их, а у других он вовсе не замечает каких-либо достоинств. Каныш Имантаевич был свободен от тщеславия. Отличаясь замечательными качествами большого ученого, талантливого организатора, рожденного общественного деятеля, он был простым и очень доступным человеком, отзывчивым и чутким товарищем, готовым помочь каждому в трудную минуту, поддержать новое начинание. Подлинный гуманист, он с большим вниманием и любовью относился к людям. Все, кому приходилось общаться с ним по деловым вопросам или обращаться с самыми различными просьбами, помнят, с каким глубоким сочувствием относился он к людям, сколько тепла и участия выказывал каждому. Несмотря на колоссальную загруженность государственными, научно-организационными и общественными делами, не было случая, чтобы Каныш Имантаевич отказал кому-либо в помощи и не сделал бы того, что от него зависело.

Был такой случай. У нас в институте работала научный сотрудник Б., которая болела очень долго, болезнь оказалась затяжной и тяжелой. Наши алма-атинские врачи не могли помочь ей. Летом 1962 года мы, двое сотрудников сектора, записались на прием к Канышу Имантаевичу и рассказали ему о болезни сотрудницы. Сатпаев, внимательно выслушав, упрекнул нас, что мы поздно обратились к нему. Затем с лучистой сатпаевской улыбкой подбодрил нас: «Мы поможем ей встать на ноги! В будущем имейте в виду, если случится такое, немедленно сообщите мне». Буквально через два-три дня сотрудницу с сопровождающим отправили на курортное лечение в Пятигорск. Причем, путевка и проезд туда и обратно были оплачены институтом.

Мало того, Каныш Имантаевич, будучи на курорте в Кисловодске, сам позвонил нашей сотруднице в санаторий, поинтересовался состоянием ее здоровья и сообщил: если есть надобность, то он договорится с директором Института курортологии в Пятигорске о том, чтобы она могла остаться на лечение на второй срок.

Случай второй. При профосмотре в городской поликлинике сотрудницы нашего института Г. врачи якобы «установили» у нее психические отклонения и

сразу же насильно госпитализировали ее в городской психодиспансер. Она там пролежала 2-3 недели, доказывая медикам, что психически она здорова, но те упорно не хотели слышать аргументы и протесты. Отчаявшись, она уговорила медсестру опустить ее письмо, адресованное К. И. Сатпаеву, в любой почтовый ящик города. Получив письмо сотрудницы, которую он хорошо знал, Сатпаев в тот же день собрал светил медицины города, включая министра здравоохранения РК. Авторитетный консилиум врачей освободил эту сотрудницу из психодиспансера как нормального здорового человека.

Случай третий. Наш научный сотрудник Т. обратился к Канышу Имантаевичу с просьбой помочь устроиться в больницу при Военно-хирургической академии им. С. М. Кирова в Ленинграде для квалифицированного обследования и диагностирования предполагаемой онкологической болезни. Решение этой сложной задачи также оказалось по силам Канышу Имантаевичу, который договорился обо всем по телефону с начальником академии. Более того, он разрешил этому сотруднику длительную командировку для прохождения обследования. Все завершилось благополучно, так как ленинградские доктора опровергли первоначальный диагноз...

Непререкаемый авторитет и уважение К. И. Сатпаева как депутата Верховного Совета Союза и перед правительством Союза, и перед чиновниками высших рангов был слишком высок и велик, к этому прекрасный пример: академик НАН РК М. П. Русаков, по настоянию его супруги, захотел жить в г. Москве, тогда он вынужден был обратиться к К. И. Сатпаеву с просьбой об устройстве их в г. Москве; Каныш Имантаевич этот вопрос решил почти мгновенно – договорившись с мэром г. Москвы, добился для них двухкомнатную квартиру в центре города, но сам М.П.Русаков с трудом согласился со своей супругой, но ему пришлось переехать туда в 1962 г., а через год 24.10.1963 г. он там же скончался...

И второй случай – академик НАН РК – И. И. Бок просил помощи у К. И. Сатпаева в получении квартиры в г. Ленинграде, где он когда-то (1898 г.) родился и закончил учебу на геолого-разведочном факультете Горного института. И этот же вопрос Каныш Имантаевич так же решил весьма положительно – И. И. Бок получил трехкомнатную квартиру в центре города (ул. Халтурина) вблизи Зимнего Дворца.

Эти примеры показывают, что К. И. Сатпаев был весьма гуманистичным и чересчур добродушным человеком.

Третий пример его благородных действий – в Москве в ИГЕМе работала одна пожилая женщина – гардеробщица М. И., она обратилась с просьбой к Канышу Имантаевичу об устройстве ее жилищного вопроса, так как она жила со своей сестрой вдвоем в

маленькой комнатке без коммунальных удобств. И этот же вопрос К. Сатпаев, договорившись с мэром города Москвы решил весьма положительно. Заявители получили соответствующую жилплощадь со всеми коммунальными удобствами...

Все эти служебные, моральные, бытовые и другие вопросы обращавшихся граждан – К. И. Сатпаев решал по мере его возможности безукоризненно быстро и добросовестно, без всяких натаскиваний просителей.

Такие доброжелательные человеческие поступки К. Сатпаева естественно не ограничивались упомянутыми примерами, они у него бесчисленные, то что указано здесь – это видение лишь одного субъекта.

Такое трогательное человеческое отношение Каныш Имантаевича к людям предопределяло тогда атмосферу взаимопомощи, товарищества в Академии.

Я был свидетелем многих добрых дел этого благодарного человека. Много ли найдется у нас таких людей? Подлинное добро конкретно и осязаемо. Нет ничего хуже абстрактной псевдодоброты. Эту истину следовало бы усвоить нашим современникам – чиновникам от науки. И было бы правильным на надгробии Каныша Имантаевича высечь слова: «Здесь покоится Великий Человек, совершивший тысячи добрых дел».

Каныш Имантаевич терпеть не мог завистливых и амбициозных людей. Кому-кому, а ему – то много раз пришлось испытать на себе различные неприятности от завистливых и корыстолюбивых людей. Он часто говорил, что «зависть и ненависть – корень всех зол, и очень часто ослепляют человека, толкают его на всякие гадости». Часто Сатпаев подтверждал примерами из своей жизни, что большинство «стукачей» сталинского периода были именно завистливые людишки, которые способствовали уничтожению цвета нашей интеллигенции, собирая компромат на неудобных им людей. Каныш Имантаевич говорил о том, что зависть не только отравляет людям повседневную жизнь, но может привести и к более серьезным последствиям.

В конце сороковых годов по направлению Академии наук Казахстана поступил в аспирантуру при одном из московских институтов закрытого профиля ныне известный ученый-физик, доктор наук, профессор Т. Чорманов. Спустя некоторое время его исключают из аспирантуры из-за того, что якобы он является отпрыском крупного казахского бая, верно служившего русскому царю. В действительности, он был лишь однофамильцем бая и никакого родственного отношения к нему не имел. Но доказать это ему самому было невероятно трудно и вряд ли кто-нибудь поверил. Тем более, что об этом написали «стукачи» в соответствующие органы.

Отчаявшись, отчисленный аспирант обращается к К. И. Сатпаеву, который очень хорошо знал его

родословную. Было достаточно авторитетного заявления Каныша Имантаевича в соответствующие органы и Чорманов был восстановлен в аспирантуре.

Вторая волна репрессий интеллигенции в 1948-1951 гг. захватила и Казахстан, в том числе и академию. От «стукачей» в органы поступали заявления о том, что в нашем институте работают неблагонадежные люди, скрывающие свое социальное происхождение. В те годы было достаточно таких письменных доносов, чтобы решением особого совещания людей либо репрессировать, либо лишить их допуска к закрытым работам и объектам. Такие неожиданные повороты ломали геологам жизнь – одни теряли любимую работу, а другие были вынуждены даже переqualificироваться.

Вот в таком драматическом положении оказались два ведущих сотрудника института: Р. А. Борукаев – заместитель директора и Г. Н. Щерба – заведующий сектором редких металлов ИГН. В успешном налаживании их судьбы непосредственное участие принимал наш Канеке. Какое мужество требовалось в то время для совершения таких рыцарских поступков! На такие гражданские подвиги мог пойти только наш Каныш Имантаевич. Восстановленные в своих правах благодаря К. И. Сатпаеву, эти сотрудники стали впоследствии действительными членами нашей академии (Р. А. Борукаев, Г. Н. Щерба).

Впервые я встретился с Канышем Имантаевичем Сатпаевым в январе 1954 года, когда он был директором института. Я очень волновался, но он своим радушием и приветливостью мгновенно снял напряжение и скованность. После расспросов о здоровье, о родных и близких он заинтересовался моими планами. Я ответил, что собираюсь поступить в аспирантуру при Институте геологических наук по специальности петрография или геохимия. Сатпаев сказал, что институт может принять одного аспиранта в сектор петрографии, где есть прекрасный научный руководитель – профессор, доктор наук В. К. Монич. Затем он рекомендовал мне специализироваться по петрологии гранитоидов Казахстана. Вкратце рассказал над какими проблемами работает институт.

Неизгладимое впечатление от той встречи осталось до сего дня!

Я счастлив, что мои научные интересы связывали меня с этим удивительным, душевным человеком, совмещавшим государственное мышление, практичность, оперативность с нравственной взыскательностью и педагогическим тактом. Он не упускал из виду проблемы научного роста окружавших его людей, помогал им определиться и действовать в том направлении, которое оптимально содействовало лучшему результату. Советы его были конкретными, точными, лишёнными директивного давления, – мы принимали их потому, что в них содержалась истина.

Следующая моя встреча с К. И. Сатпаевым состоялась в ноябре 1956 года, когда я обратился к нему как к президенту Академии с просьбой помочь устроиться в аспирантское общежитие. Выслушав меня, он позвонил управляющему делами Академии В. Н. Карпинскому. По разговору было понятно, что свободных мест в общежитии нет. Но Каныш Имантаевич успокоил меня и обещал помочь в получении двухкомнатной квартиры в строящемся доме на улице Белинского и сразу же позвонил по этому поводу в институт своим заместителям.

Здесь очень важно отметить стремление К. И. Сатпаева обязательно чем то помочь людям. При этом он нередко повторял: «Поймите меня правильно – моя власть далеко не беспредельна!». Но если он говорил: «Попробую что-нибудь для вас сделать», можно было не сомневаться, что все что в человеческих силах, будет сделано.

Я отношу себя к разряду тех счастливиц, которые имели честь близко знать этого удивительного человека. Я имел даже возможность быть вместе с ним в течение двух недель (15-28 мая 1958 года) в г. Ташкенте во время проходившего там Второго всесоюзного петрографического совещания. Каныш Имантаевич, академик АН Казахстана М. П. Русаков, кандидат наук А. К. Каюпов (позже тоже академик АН РК) и я – тогда аспирант, были размещены в особняке Первого секретаря ЦК компартии Узбекистана (из 6-7 комнат). Примечательно, что за десять дней до нас в этом особняке жил президент Индонезии Сукарно со своей свитой.

После официального открытия совещания в первый день работы Каныша Имантаевича и нас ознакомили с работами ряда научно-исследовательских институтов Академии наук Узбекистана. Сопровождали нас тогдашний президент Академии УзССР, член-корреспондент АН СССР, выдающийся геолог Х. М. Абдуллаев и директора ряда институтов. В последующие дни мы беседовали с академиками АН СССР Д. И. Щербаковым, А. А. Полкановым, Ю. А. и В. А. Кузнецовыми, Д. С. Коржинским, В. А. Николаевым и многими другими.

После завершения работы совещания многие участники уехали в экскурсии по Узбекистану и Киргизии, а мы с Канышем Имантаевичем возвратились в Алма-Ату. Очень трогательным и запоминающимся было прощание Каныша Имантаевича Сатпаева с Хабибом Мухамедовичем Абдуллаевым. Обнимаясь, эти два выдающихся мужа науки пожелали друг другу доброго здоровья, счастья и больших творческих успехов. Х. М. Абдуллаев был так глубоко растроган вниманием своего старшего собрата, что прослезился. И оба они не подозревали тогда, что Х. М. Абдуллаеву осталось жить меньше двух лет, а К. И. Сатпаеву только пять.

Сегодня на грань нищеты поставлены не только инженерно-технический персонал, но и доктора наук, и члены академии. Полуразваленная промышленность не воспринимает научных разработок.

К. И. Сатпаев вписывается в наше непростое время не только прогрессивностью взглядов. Он был и нынче остается примером идейной, этической личности, свободной от предрассудков и диктаторских замашек. Он близок сегодняшним устремлениям общества, прежде всего своим интернационализмом, справедливостью и демократизмом, несовместимыми с подавлением воли людей и командно-административной системой управления.

Теперь, когда мы превыше всего ценим правду, свидетельства людей, знавших Сатпаева и имевших счастье работать с ним рядом, приобретают особое значение. В воспоминаниях известных ученых, публицистов, писателей, его родных и близких встает облик патриота, гражданина, для которого наука была не самоцелью, не оружием личного возвышения, а средством социальных и экономических преобразований на благо людей. И в этом он был принципиален и последователен, шла ли речь о защите товарищей от преследований, об их бытовом устройстве, лечении или приобщении к передовой науке.

К. И. Сатпаев интересен во всей своей полноте и многогранности. О его жизни и богатейшем творческом и организаторском наследии нам необходимо знать все.

Надо всегда помнить вещие слова академика К. И. Сатпаева «Без образования и науки у Казахстана, да и у любой страны, нет никакого будущего». Мы

верим в то, что Казахстан, имея огромные природные ресурсы, все-таки возродится. И возродится он через введение нормального государственного регулирования с разумными элементами рыночных отношений по китайскому образцу. Сегодня экономика государства переживает значительные трудности переходного периода. В преодолении этих трудностей и подъеме экономики, несомненно, решающая роль принадлежит минерально-сырьевым богатствам РК. В этой связи заметно возрастает и роль металлогенической науки, и геологической службы, а идеи и научные прогнозы академика К. И. Сатпаева будут долгое время служить и развитию государства.

Его научно-практические заслуги перед государством высоко оценены мировой общественностью – 100-летний юбилей Сатпаева – 1999 год объявлен ЮНЕСКО годом его памяти, и этот юбилей торжественно отметили тогда не только в Казахстане и СНГ, но во всем мире.

К. И. Сатпаев – личность глобального масштаба. Его вклад в науку, культуру и индустриализацию Казахстана сыграл громадную роль в развитии нашей страны. Говоря словами академика В. А. Амбарцумяна, К. И. Сатпаев «был уникальным явлением». Глубокая научная эрудиция, незаурядный талант, огромные организаторские способности и редкое человеческое обаяние снискали Канышу Имантаевичу Сатпаеву огромную любовь народа, которая сохранится на века.

В заключение следует сказать: пусть всегда вдохновляет всех нас великий дух академика Каныша Имантаевича Сатпаева!

*Академик НАН РК
А. НУРЛЫБАЕВ*